

Арина Ларина

Сказка для
взрослых девушек

С улыбкой
о любви

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

С улыбкой о любви

Арина Ларина

Сказка для взрослых девушек

«ЭКСМО»

2011

Ларина А.

Сказка для взрослых девушек / А. Ларина — «Эксмо»,
2011 — (С улыбкой о любви)

Галина, девушка не первой молодости, даже в темноте не похожая на топ-модель, была уверена, что счастье ей не светит. Муж ушел, профессия непристижная, фигура от мировых стандартов бесконечно далека. Правда, подруга-оптимистка уверяла ее, что каждой женщине отмерено судьбой определенное количество мужчин, но Галочка давно свыклась с мыслью, что предназначенные ей принцы либо заблудились, либо попали в такую пробку, по сравнению с которой дороги в часы пик – детские игрушки. Однако судьба не подводит. Обещали принца – значит, будет. Только надо поверить, что ты – принцесса.

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Арина Ларина

Сказка для взрослых девушек

Пролог

– Кто звонил? – поинтересовалась Светлана Николаевна.

Плавное течение ее любимого сериала опять разорвал блок навязчивой рекламы, и она отвлеклась от экранных страстей, окунувшись в тягучую серость обыденности, царившей вокруг по вине дочери.

– Это мне. – Галя попыталась уйти от ответа, метнувшись из комнаты.

– Галина! – Мама крикнула так, что бабка из квартиры этажом ниже замолотила по батарее.

Гале иногда казалось, что одинокая старуха таким образом пыталась участвовать в их внутрисемейных диалогах, беря на себя шумовое оформление. Спорить со Светланой Николаевной было так же эффективно, как бодаться с бешеным быком, имея в своем распоряжении лишь виртуальные рога, наставленные предприимчивым супругом. Рога у Гали были уже давно, что и являлось поводом для ежевечернего общения с мамой на повышенных тонах.

– Опять Наташка? – гремела Светлана Николаевна, заставляя содержимое серванта жалобно тренькать и позвякивать.

– Наташка, – обреченно подтвердила дочь. Будто ей мог позвонить кто-нибудь еще, кроме закадычной подруги.

– Небось нового мужика нашла?

– Она его и не меняла, – попробовала заступиться Галя, но мама уже оседлала любимую тему, поэтому оставалось лишь понуро слушать и изредка кивать.

Часть I

Наташка, давным-давно знавшая Светлану Николаевну и страшно сочувствовавшая Галине в этой связи, однажды заметила, что во время маминых выступлений надо просто отключаться и думать о хорошем.

– О хорошем – это о чем? – Галя слабо представила, как станет в мыслях есть воображаемые пирожные, пока мама с трагическим надрывом расписывает убогие перспективы ее одинокого проживания. При подобном раскладе даже воображаемые эклеры не усвоятся.

– О мужике, – пожала крупными плечами Наташка. – А о чем же?

В этом была вся Скачкова. О противоположном поле она начала думать еще в седьмом классе, когда ей купили первый лифчик. Наташа всегда была крупной, налитой и очень привлекательной. Для мужчин. Парни тянулись к ней, как пчелы к улью, жужжа и нарезая круги. Она и вела себя, как улей, принимая от них мед в виде цветов и подарков, а потом выталкивала на новые подвиги.

– Запомни, Галка, наша цель – прожить жизнь так, чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы! Это не я сказала, а классик. Мужики – не цель, а средство ее достижения. И не надо на них особо заикливаться: не один – так другой. А любви никакой нет. Ее специально мужики придумали, чтобы нас рядом удерживать. Что с них взять-то, кроме любви? Вот они и развивают свою мифологию. Типа, потенция закончится, а любовь останется, – охотно делилась она с подругой своей простенькой философией.

Полненькой курносой Гале не хотелось в это верить. Она зачитывалась красивыми историями о любви, представляя себя на месте стройных полногрудых блондинок, ожидавших своего принца в высоких башнях и на золотых пляжах. Когда очередная книга заканчивалась, на нее снова тяжелым бременем обваливалась суровая правда жизни, а из зеркала виновато выглядывало отражение, печально подтверждавшее: «Да, ты маленькая очкастая толстушка без права на взаимность!»

Исходя их этих неоспоримых фактов получалось, что надеяться на романтику и чудо бесперспективно, а использовать сильный пол – нереально. Наташкина философия Галю не устраивала, а свою сложно было выработать, поскольку базис для ее построения отсутствовал. Во всяком случае, ни в голом виде, ни в одетом наковырять в себе изюминок не получалось.

– Не в талии счастье, – убеждала ее добрая Наташка с высоты своей сексапильности. – И баба – не кекс с изюмом! Нечего в себе копать. Неси себя по жизни как бутерброд с икрой, и люди к тебе потянутся! Не надо прятать под прилавок достоинства – клиент мимо пройдет!

– Не хочу клиента, я не проститутка, – обижалась Галя.

– Нельзя же так буквально все понимать. Только не говори, что ты принцесса и ждешь принца. Они, знаешь ли, со временем становятся королями и женятся на королевах. И то – в сказках. Поэтому – стань королевой, а там уже выберешь что получше.

Галочке очень хотелось верить, что Наташа ошибается и любовь есть, но от этих мыслей становилось еще больнее. Если она есть, а тебе не достанется, то пусть уж ее не будет вообще!

Несколько раз Галя ходила с подругой на дискотеки, но это оказалось настолько унижительно, что попытки познакомиться и завести кавалера под сенью Наташкиной красоты пришлось оставить. Парни крутились вокруг Скачковой, будто их тянуло магнитом, а Галочка стояла рядом, словно в шапке невидимке. Ее не замечали, ненавязчиво отталкивали, иногда под давлением Наташки вежливо знакомились, сразу же переключаясь обратно на Скачкову. Самыми тягостными были медленные танцы. Всякий раз, когда в ее сторону направлялся какой-нибудь молодой человек, Галя начинала потеть и трястись, но приглашали не ее, и тогда она злилась. Ей казалось, что все видели, как она хочет познакомиться, и каждый смешок или легкое хихиканье принимала на свой счет.

– Ты неправильно одеваешься, – вынесла вердикт Наташка. – Достоинства надо показывать, как товар на витрине, чтобы мимо не проходили.

– Нет у меня достоинств, – вздыхала Галя.

– Достоинства есть у всех, только их надо уметь искать. И найти их должна ты, потому что никто другой этим не озаботится. Мужик – это бык, он реагирует на красное.

– Мне красный цвет не идет!

– Я в ином смысле. Самцы примитивны, они реагируют на яркое и мельтешащее. То есть достоинство необходимо выделить и трясти им, привлекая внимание. Тогда все парни – твои.

– Не мои, а твои, – раздражалась Галя. – Нечем мне трясти. Из достоинств у меня здоровая печень, мне ею трясти, что ли?

– Трудно с тобой, Галка. Тебя к счастью надо вожжами гнать, да и то упираться будешь. Если тебе интересно знать тонкости мужской психологии, то ливером они обычно не интересуются. Я имею в виду нормальных, без садистских и людоедских наклонностей. Если ты совсем тупая, то сообщаю: у тебя есть грудь.

– Ага, – подхватывала Галочка, – а еще живот, как у беременной, и зад, как у танка.

– Я сказала – достоинства, а не весь твой набор. Грудь есть, и ее нужно показать.

– Каким образом? Если я буду ее всем показывать, то меня либо подоят, либо в психушку заберут.

– Надень кофту с большим вырезом, тоже мне – проблема!

– С большим вырезом меня мама не выпустит!

– А с маленьким вырезом ты всю жизнь просидишь со своей мамой! Вдвоем! – возмущалась Наташка. – Бесхарактерная ты! В двадцать лет необходимо иметь собственное мнение!

– У меня оно есть, но это ничего не меняет. Если ты сумеешь переспорить мою маму, то флаг тебе в руки!

С тех пор прошло уже пятнадцать лет, а ситуация не изменилась. За исключением того, что Наташка все-таки влюбилась и выскочила замуж. Но теперь она с еще большим рвением проповедовала свою теорию потребительства, поскольку любовь у них с Федором оказалась скоротечной, и единственным положительным последствием сильного чувства оказалась голубоглазая белокурая Машка.

– Вот зараза, – с любовью говорила Наташа, глядя на дочь. – Вылитый папашка, чтоб ему провалиться!

– Зато я умная в тебя, – бдитительно купировала разговоры о Федоре умная девочка. Она стеснялась, когда мама начинала при посторонних людях замысловато ругаться и пошло шутить на тему нынешней половой жизни бывшего мужа.

Федька так и остался самым большим вопросом в Наташкиной судьбе. Галя подозревала, что подруга продолжает любить гулящего и выпивающего мужика, поэтому старалась не беречь рану. Тем более что и у нее жизнь не сложилась.

Светлана Николаевна была убеждена, что при подобном подходе жизнь и не сложится.

– Вот Наташенька – молодец! Золото, а не девка! Она-то никогда одна не останется, даже если замуж не выйдет. И работа хорошая, и за собой следит, не то что ты! Умеет человек устроиться! Она-то в своем магазине мужика себе подберет, а кого ты найдешь в своей школе – большой вопрос!

– Мама, мне тоже пойти на рынок торговать? – возражала Галя скорее по привычке, нежели пытаясь что-то доказать.

У мамы всегда имелось непоколебимое мнение, и переубедить ее было занятием бессмысленным. Тем более что в ее монологах реплики вставлялись очень тяжело. Проще было промолчать, но Галя считала своим долгом хоть как-то заявить миру о собственном, отлич-

ном от маминого, мнению. Это прибавляло уверенности и позволяло чувствовать себя менее уязвимой.

С годами из неуклюжей толстушки Галина превратилась в умеренно полную женщину с приятным мягким лицом, которое немного портили очки. И характер у нее был под стать внешности: мягкий, покорный и податливый. Галя не умела спорить, хотя и бурлила иногда внутри, как перегревшийся паровой котел.

– Ты – тряпка, – раздражалась Наташка. – Нельзя позволять собой помыкать. Не удивлюсь, если даже дети тобой командуют. На тебе же каждый норовит потоптаться, причем во всех смыслах! А ты и рада. Тоже мне – груша боксерская!

– Я не рада, – оправдывалась Галя. – Я нервы берегу. У каждого своя точка зрения, и доказывать друг другу что-либо нет смысла. Люди не слышат окружающих и отстаивают лишь свою позицию. Я экономлю нервы и силы, зато у меня со всеми нормальные отношения.

– У половой тряпки тоже со всеми нормальные отношения: на швабру намотали – хорошо, ноги вытерли – тоже неплохо! Тебя такая позиция устраивает?

– Ты утрируешь!

– Да я смягчаю! Могу вообще объяснить доступным русским языком! Хочешь?

– Нет, – торопливо предупреждала ее благие намерения Галочка. Доступный русский язык в подружьином исполнении звучал ужасно.

Она действительно была неконфликтной и доброй. Дети в школе ее обожали, хотя, конечно, это не мешало им садиться обожасмой учительнице на голову. Но Галя любила их как родных. Своих у нее не было. И это было еще одним поводом для бесед с мамой, которая вдруг возжелала внуков. Светлана Николаевна заламывала руки и драматически вещала о загубленной жизни.

– Ничегошеньки я после себя не оставила! – обращалась она к законному пространству, изображая мировую скорбь.

– А я? – тихо вклинивалась в напряженный монолог Галя.

– Я имею в виду – хорошего, – спокойно поясняла мама, после чего возвращалась в образ и продолжала сотрясать воздух песней об одинокой старости.

С возрастом и без того далеко не сахарный характер Светланы Николаевны испортился, и она получала какое-то тайное удовольствие от ежедневных скандалов с дочерью. Галя привыкла к театральным постановкам, происходящим в их маленькой квартирке, поэтому не воспринимала всерьез мамины роли, хотя иногда некоторые реплики очень больно ранили. Тогда Галя переживала их снова, но уже в одиночестве, заливая слезами подушку и подавляя горькие рыдания, рвущиеся наружу, чтобы не давать маме еще повод для обсуждения.

Наташа была для Светланы Николаевны путеводной звездой. Если бы не доброта и бесхарактерность Гали, то она давно могла бы возненавидеть бывшую одноклассницу, круглосуточно приводимую в пример мамой, забывшей, как раньше называла подругу дочери шалавой и, многозначительно вздевая палец к потолку, вопила:

– Никогда не делай, как она, иначе закончишь под забором!

Тогда Галочка не понимала, почему красавица Наташка должна непременно закончить под забором. Теперь ситуация прояснилась, мамины прогнозы не оправдались, но произошла переоценка ценностей. И на сегодняшний день формулировка звучала так: «Вот если бы ты слушалась тогда Наташеньку, то сейчас не сидела бы у меня на шее старой девой и не плакала бы».

На самом деле Галя поплакала маме лишь однажды, о чем потом очень жалела. Помощи никакой не получила, зато Светлана Николаевна сделала множество неправильных выводов, а что не поняла, то додумала. И теперь ее выступления день ото дня обрастали новыми подробностями и объяснениями Галочкиных неудач.

– Кстати, к нам в выходные придет Тата с племянником. – Светлана Николаевна резко сменила тему.

– Очень некстати, – возмутилась Галя. Тату она знала, а вот про племянника слышала впервые.

– Ну конечно, когда в этом доме мужчина был кстати? Может, я вообще зря стараюсь, и тебе больше женщины нравятся? Теперь это модно. Только модничать надо в другом: фигурой заниматься, на шейпинг ходить, а не гнаться за половыми извращениями. Но в тебе всегда присутствовала тяга ко всякой дури. Непутевая ты у меня!

– Мама! Куда тебя понесло, при чем здесь лесбиянки?

– Я про них не говорила! – вытаращила глаза Светлана Николаевна. – Вечно ты приписываешь мне всякую чушь. Совершенно не умеешь слушать. Отсюда и все твои проблемы. Ни один мужчина не сможет жить с такой...

– Мам, перестань! Что там с племянником? Ты опять собираешься смотрины устраивать? Тогда я лучше уйду!

– Я тебе уйду! Мальчик специально к тебе едет.

– Мальчик?

– А ты бы предпочла девочку? Я же говорила...

У Гали заломило в висках. Разговоры с матерью выматывали, напоминая партию в пинг-понг, когда зазевавшемуся игроку мячик запросто может ударить в лоб. А Галочка не всегда успевала уворачиваться.

– Мама, мы же собирались разобрать антресоли, ты целый месяц донимала меня рассказами, что тебе на голову свалился мешок со старой шубой, кстати, до сих пор не понимаю, как он мог вывалиться, если дверца закрыта.

– Он ее вышиб, – безапелляционно сообщила Светлана Николаевна. – И я едва не погибла.

Представив, как старая шуба разгоняется в тесном пространстве антресолей и таранит дверцу, Галочка вздохнула. Маму необходимо показать врачу: в последнее время фантазии становились все причудливее.

Словно подтверждая ее мысли, Светлана Николаевна нехорошо прищурилась и проныла голосом сказочной Бабы-Яги:

– А случайность ли это была, а? Я газеты-то читаю, про квартирный вопрос знаю. Может, ты решила улучшить свои жилищные условия? Конечно, мать вырастила, выкормила, теперь не нужна. Мешаю. Жить не даю. Знаю я, о чем ты думаешь, у тебя все на лбу написано! Не бери грех на душу, потерпи, немного мне осталось. – И Светлана Николаевна тихо заплакала.

Галя прижала ее к себе, успокаивая и в сотый раз выслушивая слабые протесты и проклятия. Уже и эти трогательные всхлипы не впечатляли черствую дочь, выслушивавшую подобное по несколько раз за неделю. От расписывания подробностей задуманного неблагодарной Галиной преступления мама плавно перешла к вопросу немислимого беспорядка в шкафах и необходимости что-то с этим делать.

– Мам, – терпеливо произнесла Галя. – Давно пора. Мы как раз в эти выходные и собирались.

– Не надо разговаривать со мной таким тоном, будто я из ума выжила. Я все помню, но женихи к нам не каждый день ходят, подождет твое тряпье!

Еще вчера Светлана Николаевна категорически отказывалась ждать до выходных, с демонстративным ужасом приоткрывая дверцы шкафов, словно на нее оттуда мог выпрыгнуть какой-нибудь барабашка. Галочкины оправдания, что мама не позволяет разобрать залежи старья в свое отсутствие, заглушал поток упреков в том, что дочь нарочно подгадала расписание так, чтобы как можно меньше времени проводить с дряхлой и нуждающейся в помощи матерью. То, что дряхлая мать регулярно уезжает с подружками в сауну, на шашлыки и на еще

какие-нибудь активные мероприятия, не афишировалось. Более того, для своих шестидесяти лет Светлана Николаевна выглядела абсолютным огурцом: свежим, сочным и распираемым витаминами.

– И вообще, тебе дай волю, ты все повывбрасываешь, – закрыла тему мама. – Нет бы подумать, что в старости это пригодится, а старость у тебя будет одинокая и голодная, как у меня. Без детей, внуков и мужика в семье!

Галя печально уставилась на старые часы с кукушкой, веселеньким пятном зависшие на стене с давних времен. Она всегда смотрела на них, когда было особенно тяжело: блекло-желтый циферблат с резными стрелочками успокаивал. Часы купил папа на Новый год. За пару месяцев до того, как уйти от них навсегда. Галочка не винила его, иногда ловила себя на мысли, что если бы было куда уйти, она бы тоже ушла. Она уже однажды уходила, на период замужества, но вскоре пришлось вернуться. Теперь папа жил где-то в поселке за Уралом и изредка присылал открытки. У него была новая семья, новая жизнь. А у Галочки опять все было старое. Ее жизнь походила на старую игрушку, выцветшую от времени, с облупившейся краской: и выбросить жаль, и радости никакой.

– Максим – очаровательный мальчик, – давила мама. – У него большое будущее, он хочет поступать в университет, между прочим, на философский факультет.

– Поступать? – очнулась Галя. – А-а-а... сколько ему лет?

– Какая разница? – Светлана Николаевна выгнулась дугой, уперев руки в бока. Судя по агрессивному напору, с кавалером что-то было не так.

– Разница есть, – не сдалась Галя. – Если он только собирается поступать, то жених лет на пятнадцать, а то и больше меня моложе.

– И что? Подумаешь! А тебе кто нужен – старый хрыч или бабник средних лет? Так у нас уже такой был! Не умеешь выбирать – не берись! Дай умным людям сделать выбор за тебя, раз уж самой бог ума не дал!

– А кто за меня с ним спать будет? Тоже люди? – хмыкнула Галя.

– Свои половые проблемы решай сама. Давно пора перестать надеяться на маму в этих вопросах! – рывкнула Светлана Николаевна. – Ей все на блюдечке подносишь, а этой дурище каемочка не нравится!

Галя вернула на место отвисшую от изумления челюсть и робко уточнила:

– То есть ты приведешь мне мальчика? Абитуриента? Вчерашнего школьника? – Галочку стал разбирать совершенно неприличный смех.

– Не я приведу, а он сам придет. Но если ты продолжишь копать, то скоро к тебе женихов начнут именно приводить или даже привозить на колясках: это будет твоя возрастная категория. Всякие беззубые инвалиды, ветераны Куликовской битвы и деды, которым нужна бесплатная нянька для внуков или грядкокопательница! Тебе уже тридцать пять лет! Тридцать пять! Ты хотя бы осознаешь эту цифру?!

Это было выкрикнуто с таким надрывом и подвыванием, что отдавало кликушеством. Но, несмотря на трагизм, который мама вкладывала в сочетание «тридцать пять», цифра не казалась столь трагичной, как хотелось Светлане Николаевне. Она была какой-то гладкой, округлой и аккуратной, как сама Галочка.

– Осознаю. Именно поэтому мне и не очень нравится идея познакомиться с недавним школьником. Это будет похоже на свращение малолетних...

– Да уж. – Светлана Николаевна презрительно поджала губы и окинула дочь таким взглядом, словно осматривала куриную тушку, планируемую под разделку. – Ты свратишь. Книжки почитай, свратительница, чтобы не осрамиться перед человеком. Как я потом Тате в глаза посмотрю?

Ее явно уносило не в ту степь. Галя нервно слотнула и осторожно поинтересовалась:

– Я не совсем поняла, ты что, уже все решила за меня? Позволь тебе напомнить, что я совершеннолетняя, так что сама разберусь.

– Да я раньше на кладбище перееду, чем ты в чем-то там разберешься! В общем, мы уже все решили!

– В смысле, мы с тобой? Мы посоветовались и ты решила? – Галя даже взмокла от ужаса. Ей надо было срочно отбиться от предстоящего визита, грозящего перерасти в нечто чудовищное.

– Не мы с тобой, а мы с Татой. И Максимом.

– То есть я в круглом столе не участвую? Рылом не вышла с умными людьми совещаться? Давай я не стану застолье вам портить, раз вы все решили. Зачем вам такая дура?

Голос у Гали звенел от гнева и страха. Это был один из малочисленных бунтов, на которые она отваживалась за годы совместного проживания с мамой.

– Хватит тут шуметь, – сбавила тон Светлана Николаевна. – Хороший мальчик. Прежде чем отказываться, сначала посмотри.

– Не хочу!

– Галя!

– Ладно, только посмотрю.

К жалобам подруги Наташа отнеслась с нескрываемой завистью.

– Ты представляешь, какой вариант? Проверить свои силы на молоденьком – это эх!

После мечтательного «эх!» Скачкова подозрительно затихла на другом конце провода, но Галя не дала ей впасть в детство, сурово вырвав Наташку из сладких грез о чужом госте:

– Нечего мне тут секс по телефону устраивать. Ты понимаешь, что я его почти в два раза старше?

– Ну и что? Проблема не в нем и не в его возрасте, а в тебе! – воскликнула Наташа. – Тебе с ним детей крестить? Не надо шараться от мужиков, которые сами идут в руки. Это не твой случай. Бери, пока дают, а там и выбросить недолго.

– Я людьми не разбрасываюсь! – гордо возвестила Галя.

– Ах, скажите какие мы порядочные. Запомните, мадемуазель Еремеева: в этой жизни либо ты, либо тебя! Без вариантов.

– Наташа, не проецируй свой негативный опыт на окружающих.

– А тебе не следует пугать окружающих умными словами и делать вид, будто располагаешь позитивным опытом. Или я что-то в твоей кривой линии судьбы упустила?

– Не издевайся, – буркнула Галя. – Я с тобой как с человеком, а тебе все шуточки. Что я с таким сопляком буду делать?

– Ты, дядя Федор, неправильно бутерброд ешь, – засмеялась Наташка. – Молодой – не старый, сам все сделает.

– Тьфу на тебя. Кто о чем, а вшивый о бане. В моем возрасте только престарелую невесту изображать. Мне перед мальчиком неудобно. Ты вообрази это застолье: моя маман, Тата, юноша и я вся в румянце.

– Да, прими мои соболезнования. Такая компашка действует на зарождающееся чувство, как пестицид на колокольчики: выжженная целина вместо райских кущ гарантирована, – печально протянула Наташа.

– Мне не нужно чувство, мне надо пережить этот вечер и никогда больше не видеть Максима. Но все должно пройти так, чтобы у мамы потом не возникло ко мне претензий.

– Исключено. Твою маму устроит только зять. Если мальчик больше не вернется, ты будешь кругом виновата. В общем, выбирай: либо парень, либо мама.

– Можно подумать, у меня есть выбор. Лучше сразу повеситься!

– Слушай, я тут подумала: как жизнь людей меняет! Раньше Светлана Николаевна, помнится, мужиков на дух не переносила, Женька с ней натерпелся, когда за тобой ухаживал, – хихикнула Скачкова. – Кто бы мог подумать, что она сама теперь будет к себе зятьев заманивать. Ладно, не кисни, посмотри на этого Макса, а потом решишь по ходу пьесы.

– Не на что там смотреть, – махнула рукой Галина. – Ни мне, ни ему. Только время потеряем.

Как оказалось, смотреть было на что.

Тата, давняя мамина подруга-соперница, была высокой худой старухой, молодящейся из последних сил и орущей, как глухая тетеря. Голос у Таты был невиданной мощи и редкой стервозности. Ее речь ввинчивалась в мозг, вызывая тягостные ощущения в висках и бурные процессы в желчном пузыре. Сколько Галочка себя помнила, мама с Татой всегда в чем-то соревновались: у кого моднее платье, у кого умнее дочка, у кого больше зарплата...

Фортуна с удовольствием раскачивала двух заклятых подруг, рассадив их на разные чаши весов. Сначала от Таты ушел муж, потом от Светланы, вскоре Татина дочь Лена поступила на престижный юридический факультет университета, а Галочка на немодный факультет дошкольного образования. Лену отчислили за неуспеваемость, а Галя спокойно закончила учебу и пошла работать в школу. Жизнь преподносила подругам один сюрприз за другим, создавая иллюзию временных побед, оставлявших горький привкус разочарований.

Учитывая нестандартные отношения между женщинами, предложение Таты пожертвовать разведенной Галочке племянника выглядело по меньшей мере подозрительно. Галина сообразила это поздно вечером накануне встречи. Она еле дотерпела до утра: вселить сомнения в маму было последним шансом избежать встречи с малолетним женихом. Галя стыдилась выступать в роли перезрелой невесты. Но Светлана Николаевна видела ситуацию совершенно иначе, о чем и поведала дочери, опрометчиво вывалив лишнюю информацию.

– А то я ее плохо знаю, – зычно рассмеялась Светлана Николаевна, отмахнувшись от Гали, как от надоедливой мухи. – Станет она тебе помогать, нужна ты ей, клуша! Плохо, что ты считаешь мать выжившей из ума старухой! Да я поумнее тебя буду! Все я знаю, только в данном случае Татка просчиталась. Максим – сын ее брата из Харькова. Жить ему негде, вот она и ищет, куда бы пристроить родственничка. Только у нее трехкомнатная квартира, а у меня двушка, так что либо она возьмет вас к себе, либо пусть снимает жилплощадь.

О Гале мама не упомянула вообще, словно та была не живым человеком, чью судьбу решили две старухи, всю жизнь занимавшиеся перетягиванием каната, а не крупным бытовым прибором, который легко упаковать и перевезти. Возникло ощущение, что Светлана Николаевна уже расписала всю ее жизнь вплоть до кладбища. Права была Наташка, с этим надо что-то делать. Галочке вдруг вспомнились обиды, нанесенные за последний месяц колючей судьбой: ей не уступили место в транспорте, облили молоком в магазине, обдали грязной водой из лужи, когда она стояла на остановке, не хватило талончиков к стоматологу, новые колготки, которые оказались безнадежно малы, продавец обратно не принял, предложив не товар менять, а худеть, на работе сделали выговор за плохое поведение детей на перемене. Да еще мама...

У каждого, даже самого терпеливого человека терпение однажды заканчивается. Все неприятности и грубости, тяжелыми камнями забрасываемые в нежную Галочкину душу, вдруг превысили критическую массу и вырвались наружу, будто картошка из дырявого пакета. Но если у тренированного и закаленного борца за свои права, как, например, Светлана Николаевна, это выразилось бы в ядовитом монологе с криком и шаманскими плясками, то мягкохарактерная Галочка просто расплакалась, тихо причитая и сбивчиво перечисляя претензии и счета к судьбе.

Восстание в очередной раз не удалось. Светлана Николаевна была свято убеждена, что единственный человек, достойный сострадания, – это она, родимая, и слушать жалостливое подвывание размазни-дочери ей было неинтересно.

– Галя, если ты немедленно не прекратишь истерику и не умоешься холодной водой, то станешь еще страшнее, и тогда твои и без того нулевые шансы понравиться Максиму уйдут глубоко в минус, – оповестила ее ласковая мама. – Вместо неконструктивного нытья лучше бы занялась столом, люди скоро придут, а у тебя конь не валялся.

Галочка молча повернулась и вышла, но в голове уже зрела какая-то медленно оформлявшаяся и твердевшая, словно студень на морозе, мысль.

К двум часам стол накрыли, а Галя оделась и нарядилась согласно маминому вкусу. Если бы ожидаемый кавалер был Галочке небезразличен, то она, безусловно, отстояла бы свое право на выбор одежды и интенсивности боевого раскраса, но сейчас она была уверена, что чем хуже, тем лучше. По своей ослепительности интеллигентная Галя могла бы теперь потягаться с продавщицей из мясного магазина на соседней улице, о которой по микрорайону ходили анекдоты. Дама немислимых форм и округлостей, имевшая лицо размером с дорожную сковороду «Тефаль», расписывала свою лоснящуюся здоровьем и избытком сил физиономию не хуже любого индейца, выходящего на тропу войны. Хвост павлина жалкой блеклой тряпочкой потерялся бы на фоне этого косметического великолепия. Злоупотребление фосфоресцирующими тенями и блестками сыграло в жизни микрорайона и свою положительную роль.

Однажды, когда продавщица, отработав тяжелый день, наполненный борьбой с тупыми, глухими и невоспитанными покупателями, гордой каравеллой несла свое мощное тело и потрясающее лицо к остановке, навстречу ей попался алкаш Кундяйкин, которого знали все вокруг, от участкового и вездесущих старух до интеллигентных учительниц типа Галины и вальжных бизнесменов. Участковый был знаком с Кундяйкиным по долгу службы, тот радовал старух периодическими партизанскими марафонами на животе, причем, проползая мимо лавочек, он еще умудрялся исполнять хиты популярных современных групп и в красках обсуждать политическую ситуацию в стране. Утром, маясь похмельем, столь разносторонняя личность унижала себя попрошайничеством, увязываясь за торопящимися на работу жильцами, или пыталась помыть машины местной элиты бизнеса, используя подол выходного пиджака и воду из ближайшей лужи.

И надо же было так случиться, что в тот роковой вечер Кундяйкин немного недобрал до нормы и мог передвигаться, держась на ногах, хотя и немного скособочившись, а навстречу ему плыла величественная королева мясного отдела. Две судьбы встретились. Когда на размякшего от стрекота сверчков и света полной луны Кундяйкина вышла из-за поворота жертва косметической промышленности, с серебряными тенями на веках, блестками на щеках и сиреневым блеском на губах, алкаш протрезвел раз и навсегда. В затуманенном алкоголем мозгу вперемишку с рекламными кадрами из «Ночного дозора» всплыло воспоминание про нечисть, выползающую в полнолуние, и окрестности огласил страшный вопль насмерть перепуганного мужика. Продавщица тоже смотрела «Ночной дозор», но не в виде рекламы, а целиком. Еще она читала брошюру по самообороне, где черным по белому было написано, что лучшая защита от маньяка – нападение. Было ли маньяком патлатое чудовище, выбежавшее к ней из темноты с жутким воем, она разобраться не успела, инстинктивно повторив его боевой клич и бросившись навстречу Кундяйкину с зонтиком наперевес. Инстинкт самосохранения творит чудеса. Кундяйкин, несмотря на потерянную координацию и слабое здоровье, бежал быстро и долго. С тех пор с пьянством он завязал, а вот продавщица краситься не перестала.

Галочка, нарумяненная и щедро осыпанная блестками для придания образу индивидуальности, как бубнила Светлана Николаевна, колдуня над маловыразительным, по ее мнению,

лицом дочери, на столь бурную реакцию со стороны кавалера не рассчитывала. Вряд ли он взвоет и унесется прочь, обнаружив даму сильно за тридцать, упакованную в мини-юбку, открывающую полные колени, и накрахмаленную блузку с рюшами, топорщившимися над ее плечами, словно крылья. Самой Галочке казалось, что она похожа на жабу в балетной пачке. Судя по выражению лица мамы, Светлана Николаевна тоже была не в восторге от собственного детища.

– Что-то не очень, – констатировала она, окинув дочь ретроспективным взглядом. – Может, туфли на каблуке надеть?

– У меня нет, – радостно отрапортовала Галина.

– И чему ты радуешься? У меня, шестидесятилетней тетки, есть, а у тебя нет! Наденешь мои.

– Мам, мне твои велики.

– Будешь изображать Золушку, – сострила Светлана Николаевна.

– Не умею я на каблуках ходить! – Галя боролась между нежеланием быть посмешищем и желанием отвадить кавалера раз и навсегда.

– Да что ты вообще умеешь?! – в сердцах выкрикнула мама, и спор прервал звонок в дверь.

Первой ввалилась удушливо озонирующая духами Тата, с длинной пупырчатой шеей и высокой старомодной прической гребнем. Галочка подумала, что мамина подруга удивительно похожа на дохлую курицу, залежавшуюся на прилавке. Томно закатывая глаза, гостья потерлась щекой о Светлану Николаевну и прокудахтала:

– Светулечек! Сто лет тебя не видела!

– Таточка, – всхлипнула мама, – как я по тебе соскучилась.

Если бы Галя не знала, что подруги ежедневно по часу переругиваются по телефону и на прошлой неделе ездили за город с какими-то дедами на пикник, то прослезилась бы, учитывая трогательность момента.

– Здравствуйте. – Галочка вытянула шею в последней надежде на то, что рыцарь потерялся на подходах к башне принцессы. Она чувствовала, как горят щеки, и знала, что сейчас по лицу ползают некрасивые красные пятна, а улыбка выглядит резиновой.

– Галусик! – взвизгнула Тата. – Как ты подросла, как похорошела!

Галя подавилась смешком: термин «подросла» с ее тридцатью пятью годами сочетался, как огурцы с молоком.

– Она у меня не только красавица, но и умница, – медовым голоском пропела мама, поразив Галочку до ступора.

Светлана Николаевна редко говорила ей комплименты, развлекаясь в основном перечислением дефектов, коих у Галочки было как травинки в стоге сена. Особенно мама любила озвучивать свое мнение в чьем-либо присутствии. Именно ее разглагольствования навсегда отпугнули от Галины Боречку, лет десять назад осмелившегося прийти к ним в гости с целью просить руки и сердца любимой девушки. Получасовое чаепитие со Светланой Николаевной кардинально поменяло его взгляды, и больше Галочка своего интеллигентного кавалера не видела.

Похоже, сегодня был тот редкий случай, когда мама была на ее стороне. А Галя так рассчитывала, что чудный характер Светланы Николаевны хоть раз в жизни сослужит ей хорошую службу и отвадит от дома нового жениха.

И тут появился он. Галя тихо засопела, ощущая горячее желание провалиться сквозь пол и оказаться в гостях у выжившей из ума бабки. Максим был оберточно красив и конфетно обходителен. В прихожую решительно шагнул высоченный блондин с широкими плечами,

мужественным подбородком и большими умными глазами. Галочка чуть не расплакалась: ведь достаются же кому-то такие мужики! Если бы пришло какое-нибудь прыщавое чучело, тоскливо переживающее период полового созревания, или неотесанный чурбан, ковыряющийся в носу, зубах и прочих доступных местах, то она не чувствовала бы себя бледной поганкой на свадебном торте. Максим был полон достоинства и добродушия, располагая к себе чрезвычайно. Жеманная Тата выглядела на его фоне взбесившейся обезьянкой. От нее было столько визгливого шума и запахов, что у Галочки заломило в висках. Она тупо смотрела на Максима и стеснялась.

От него пахло хвоей и свежестью. К его широкой груди, туго обтянутой серым джемпером, хотелось прислониться и не чувствовать себя коротконогой очкастой дурнушкой. Меньше всего Максим походил на будущего студента. В полутемном коридоре их малогабаритной квартиры стояла ожившая мечта женщин от десяти до ста. В нем не было изъянов, и этот факт огорчал Галину больше всего. Ее совершенно расплющило под прессом комплексов, которые в присутствии Максима раздулись до невероятных размеров.

Светлана Николаевна продолжала удивлять, хотя подсознательно Галя понимала, что мама действует в каких-то своих интересах:

– Проходите, проходите! Сегодня Галочка хозяйничала. Она у меня так готовит, такая кулинарка!

Готовила действительно Галя, но обычно мама, периодически встречающаяся в процесс с ценными, на ее взгляд, советами, в результате объявляла гостям, что все сделала сама, несмотря на то что дочь вредила и мешала ей в столь трудном и важном деле.

– Что вы говорите? – В голосе Максима не прозвучало даже намек на насмешку. – Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Поэтому я у ваших ног!

Даже эта банальность воспринималась в его исполнении как витиеватый и изысканный комплимент. Галочка потела и волновалась, тихо ненавидя себя за слабование и дурацкие дамские фантазии.

– А Макс поступил на подготовительные курсы, – гордо возвестила Тата, победоносно окинув взглядом претендентку на руку и сердце племянника.

– Надо же! – пискнула Галочка и неловко затопталась на месте.

Максим неумолимо надвигался на нее, вежливо улыбаясь и внимательно глядя своими прозрачно-серыми глазами. Ее сердце упругой лягушкой скакало где-то в горле, мешая дышать и выбивая отчаянные слезинки. Наверное, голой на людном проспекте она чувствовала бы себя более уверенно, чем сейчас в рюшах и мини-юбке, в тесном пространстве малогабаритного коридора. Галочкина макушка была где-то в районе Максимовой подмышки. Они по всем статьям были «не пара», но Галине совершенно не хотелось об этом думать.

– Ну-с, кормить-то будете, а то наобещали с три короба и в прихожей держите, – визгливо залилась Тата. – Мы сейчас слюнями захлебнемся!

– Да я не голоден, – улыбнулся Максим.

– Как же, – пролепетала Галочка. – Проходите, попробуйте...

Как она себя ненавидела в эти мгновения! Безумно хотелось быть гордой и неприступной, независимой от инстинктов и рефлексов. Но кто имеет то, что желает? Фортуна все выдает частями и совсем не тогда, когда нужно.

Максим притягивал Галю, как магнит кнопку. И его вежливость вдруг хотелось воспринимать как закономерный мужской интерес. Не такая уж она жаба, чтобы мужики шарахались в разные стороны! Да, не красавица, но и не урод! Обычная женщина, полноватая, курносая, скованная... Но разве это дефекты? Это только мама считает, что дочь не удалась. А в чем, собственно, ее минусы? Права Наташка: все проблемы не в лишнем жире на талии, а в голове. Сама себя не полюбишь – никто тебя не полюбит! Ни мама, ни этот сногшибательный красавец.

И что, что нос курносый? Так ведь не рубильником же! А полнота... Так на любителя!

И Галя вдруг гордо вздернула подбородок, отважно перешагнув свои комплексы и резко полюбив свою внешность и все остальное. Во всяком случае, больше пресмыкаться перед мамой и перед гостями она не собиралась, решив держаться, сколько хватит сил. Интуиция ей подсказывала, что надолго запала не хватит, поэтому Галочка заторопилась закрепить мысль и приучить к ней организм, отчаянно трясающийся и взволнованно красневший ушами и щеками.

– Ах, какие запахи, какая сервировка! Как в лучших домах Европы! – вихлялась Тата, жеманно подхихикивая и хлопая ресницами.

– И часто тебя звали в лучшие дома Европы? – не удержалась от колкости Светлана Николаевна, впрочем, тут же исправившись: – Не знаю, как там у них, в Европах, а у нас ты всегда дорогой гость!

Галя, верная своему решению, не дожидаясь окончания торжественной части, села за стол и молча начала накладывать себе в тарелку салат.

– Позвольте за вами поухаживать? – Максим приземлился рядом и внимательно заглянул в лицо моментально побагровевшей от смущения Галочке.

– Не требуется, – грубовато буркнула она, тщетно пытаясь выпутаться из сетей его оболстительного голоса и вихря романтических бредней, уплотнявших воздух вокруг и путавших мысли.

Максим послушно отодвинулся, а Галю почти качнуло вслед за ним. Мама с Татой сидели напротив и наблюдали за молодыми, как энтомологи за спаривающимися бабочками.

За столом повисла нехорошая тишина. Галя почувствовала, как что-то загло переносицу, в носу стало мокро, а глаза заслезились. Это было невыносимо: не хватало еще закапать слезами и соплями салат на тарелке. Тогда жених точно будет ее навеки...

– Максим, какие у вас планы на жизнь? – взяла быка за рога Светлана Николаевна.

Кавалер ел аккуратно, но быстро, поэтому продуктов могло хватить лишь на очень ограниченный период времени, после которого либо начинались танцы, либо сытые гости отбывали восвояси. Учитывая состав компании, танцы исключались. Надо было торопиться.

– Светулечек, я же тебе сказала: Максик поступил на подготовительные курсы, – просюсюкала Тата. – Он будет весь год заниматься, а летом вступительные экзамены.

Представив занятия на подготовительных курсах, куда наверняка будут ходить юные, похожие на легких большеглазых стрекоз абитуриентки, Галочка едва не застонала: она чувствовала себя так, словно кто-то копался в ее сумочке, а она не имела возможности постоять за свою собственность, оставаясь сторонним наблюдателем. Разозлившись на себя, на Максима и на двух престарелых дур, устроивших ей это позорище, Галя вдруг подумала, что если парень согласился на унижительную процедуру знакомства с явно не подходящей ему ни по каким статьям женщиной, то это его проблемы, а не ее. И почему бы, собственно, не воспользоваться ситуацией? Единственным мужчиной, проявившим к ней за последний год интерес, был какой-то сомнительный подвыпивший тип, увязавшийся за Галочкой от троллейбусной остановки. Она убежала, а потом еще долго переживала, не от своей ли судьбы она так резво улепетывала, не ее ли последний шанс, тяжело пыхтя, неся сзади и сипло выкрикивал: «Дамочка, стойте, я что спросить хотел».

Любовника нет, друга и перспектив тоже. Может, права Наташка: почему бы не попробовать? Тем более что Галочкино сердце при взгляде на Максима трепыхалось, как выброшенная на берег рыбешка. Она покосилась на грудь, констатировав «а очень даже ничего», и, миновав полноватые бедра, мощно распластавшиеся по стулу, уперлась в колени. Когда Галя сидела, слегка поджав ноги, колени были круглыми и гладкими, во всяком случае сверху они выглядели вполне аппетитно. И сама она была некрупной и аппетитной, как пирожок. Не такой уж лежалый товар предлагали этому будущему философу. Единственное, что слегка смущало, – отсутствие логики в происходящем. Почему шикарному мужику надо срочно подыскивать невесту,

да к тому же намного старше его, совершенно непонятно. Город – не деревня, где на безрыбье и рак рыба. Невест в городе пруд пруди, дефицита на протяжении последних столетий не наблюдалось, выбор есть. Хотя бы на тех же курсах, куда ходил Максим. Так почему же Галя? Или в нем есть такой колоссальный дефект, что Тата повела его по второсортным, а на ее взгляд, даже скорее третьесортным невестам? Внутренние метания, видимо, отразились на Галином лице, поскольку внимательный Максим, почувствовав неладное, опять приблизился к ней и заботливо поинтересовался:

– Галя, вам что-нибудь налить выпить?

– Да-да, – оживилась Тата. – Что это мы тут все насухую трескаем. Надо бы обмыть знакомство. Налей-ка мне водочки. Не люблю вино – кислятина с красителями.

– И я с тобой за компанию, – махнула рукой Светлана Николаевна.

– Галя, а вам что? – Он наклонился, и Галя от избытка чувств едва не хлопнулась в обморок.

«Это оттого, что у меня долго никого не было, – в смятении подумала она. – А так – ничего в нем особенного нет».

– Галь, что ты как пальма в тундре застыла? – прикрикнула Светлана Николаевна. – Выпей что-нибудь, разморозься.

– Тоже водку? – пошутил Максим.

– Да-да, спасибо, – кивнула Галочка, царственно махнув рукой.

От волнения она вообще плохо понимала, на что согласилась. Поднесенную рюмку осушила одним глотком, выкатив от неожиданности глаза и закашлявшись.

Максим предупредительно постучал красавицу по спине и сунул ей под нос огурец, в который нежная фея, звучно шмыгнув носом, немедленно впила зубами.

– Смотри, как ловко, – то ли с удивлением, то ли с осуждением протянула Тата. Впрочем, следующая реплика разъяснила окружающим ее позицию: – И давно это она так закладывает стала? Плохо...

– Татка, да ты спятила! Она вообще не пьет!

– Я вижу...

– Она от смущения! Такого мужика привела! Я бы тоже сейчас хряпнула да сплясала! – Светлана Николаевна, разгоряченная выпитым наперстком водки, игриво подмигнула Максиму: – Засмушал девицу, теперь давай, делом займись!

Максим, до сих пор невозмутимо реагирующий на все происходящее, вопросительно поднял брови, изогнув их соболиную линию дугой.

– Да ладно, тут все свои, не тушуйся! – Светлана Николаевна повернулась к Тате, и та согласно кивнула.

– И что же я должен сделать? – насмешливо поинтересовался парень, обращаясь к раскрасневшейся тете.

– Я бы сейчас предпочла мужской стриптиз, – мрачно пошутила Светлана Николаевна, – но это было бы чересчур смело. Поэтому можете просто потанцевать.

– А я еще не наелась, – вдруг подала голос невеста, которую забыли спросить о ее планах на вечер.

– Конечно, конечно, – засуетился Максим, хотя даже суетился он с достоинством. – Что вам положить?

– Сама положу, не беспокойтесь. – Галя осмелела, но опьянение не наступало, поэтому и легкости в общении пока не наблюдалось.

Задумчиво пережевывая салат, она напряженно размышляла: можно выпить еще, чтобы утопить свою нерешительность, но страшно не рассчитать с нормой. Однако потом можно будет растерянно кудахтать, застенчиво вопрошая «Как же это я так? А что у нас было?». В идеале надо выпить столько, чтобы все соображать, контролировать, но при этом иметь возмож-

ность изобразить желе на сковородке, сняв с себя ответственность за происходящее, а заодно и посмотреть на истинное лицо кавалера.

– Может, вина налить? – беспокоился Максим.

«Зачем он меня спаивает?» – напряглась Галочка, но на вино согласилась. Жевательные и глотательные движения освобождали ее от необходимости поддерживать диалог.

– Вот закончит Макс философский факультет, – зачирикала Тата, – получит диплом и будет доктором наук, профессором.

– А где гарантии, что он поступит? – сурово спросила Светлана Николаевна.

– Гарантии Гришка привезет, к лету, в запечатанном конверте, – хихикнула Тата.

– А почему бы не ускорить процесс и не привезти конверт сразу, чтобы не терять целый год? – не поняла мама.

– Гриша у нас человек старой закалки. Хочет, чтобы Макс всего добивался сам, профессию в руках имел, а знания были не липовые, – начала разглагольствовать тетка, явно гордясь позицией брата и племянника, но Светлана Николаевна резко вернула ее к нужной теме:

– И дальше? Философия – это что за профессия в руках? Что он держать-то будет в своих лапах? Я понимаю, топор, молоток, станок какой-никакой, а так что?

– Если все получится, то он поедет преподавать философию в один американский университет, к брату Гришкиной невестки, Юркиной жены. Ясно? – горделиво выложила Тата основной козырь.

– Ясно, – кивнула мама. Запутанные семейные связи она не поняла, но дело было вовсе не в них, а в перспективах.

– Кстати, у Максика уже есть один диплом. Он у нас филолог, так что с языком проблем тоже не возникнет.

Галя все-таки не рассчитала норму. Сказались отсутствие опыта в распивании спиртного, чрезмерная скованность и волнение. Когда на этот эмоциональный коктейль она еще плеснула водки с вином, произошла неожиданно бурная реакция, и теперь Галочка мучительно пыталась вычислить возраст кавалера. Все оказалось не так плохо, но насколько хорошо, понять никак не получалось.

С трудом разглядев свое отражение, воинственно поблескивавшее очками в стекле серванта, Галя откинулась на спинку стула. Ей хотелось сделать это красиво, одновременно положив ногу на ногу, чтобы круглое гладкое колено высунулось из-под скатерти поближе к Максиму. Но движение получилось резким, и если бы не верный рыцарь, Галочка полетела бы на пол вместе со стулом и всем своим набором кокетства.

Видимо, алкоголь подействовал на сознание благотворно, поскольку потеря координации девицу на выданье не смутила, а самооценка резко повысилась, как буюк во время прилива. Теперь перезрелая невеста ощутила настоящее желание немедленно выяснить, что именно нужно Максиму. Помимо ее красоты и ума.

– Пошли, покурим, – мотнула головой Галина, стараясь, чтобы язык не особо зацеплялся за зубы, теряя гласные.

– Пойдем... те, – удивился Максим.

– Максик не курит, – закапризничала Тата.

– Галя тоже, и что дальше? – одернула ее Светлана Николаевна.

Галочка уцепилась за локоть кавалера, чтобы быть поустойчивее, и двинулась в сторону кухни. В дверях они ненадолго застряли и, весело побарахтавшись между косяками, в коридор вышли уже слегка породнившимися. Напряжение окончательно покинуло Галочку, и она, сурово прижав парня к подоконнику, задышала на него вопросами:

– Смотреть мне в глаза, не отворачиваться, отвечать не раздумывая!

– Слушаюсь, – серьезно кивнул Максим и осторожно удержал пошатнувшуюся Галину.

– Зачем тетка тебя сюда притащила?

– Женить.

Галя не ожидала столь прямого ответа и даже набрала воздуха, чтобы, уличив оппонента во лжи, выдать свою версию происходящего. Честный ответ сбил ее с толку, но алкогольный допинг помог справиться с растерянностью.

– А тебе это зачем?

– Ты очень красивая женщина.

Галочка неприлично хихикнула и осуждающе посмотрела на Максима:

– Не юли.

– Я не юлю, а констатирую факт.

– Терпеть не могу подхалимаж, противно, – вздернула подбородок Галина, но на самом деле противно ей не было. Наоборот, этот самый подхалимаж горячей волной растекся по сознанию и мешал сосредоточиться. – Тебе жилплощадь нужна или тетка без половых претензий? Или городская прописка?

– Не угадала, милая.

– Я тебе не милая. Пока... а потом посмотрим.

– Потом – это когда?

– Не заигрывай со мной, мальчик, – голосом Мата Хари произнесла Галочка и многозначительно прищурилась.

– Да ни в коем случае. И в мыслях не было! – поднял руки Максим.

– А что было? Лапша на уши, розовые очки на нос и охи-вздохи-поцелуи?

– Нет. Я тебя плохо знаю, но достаточно уважаю для того, чтобы обойтись без лапши и всего перечисленного.

«Меня сейчас послали или он намекает, что просто останется здесь на ночь безо всяких предварительных реверансов?» – нахмурилась Галочка, едва ворочая ставшие неподъемными мысли. Почему-то дико хотелось спать или хотя бы зевнуть. Но это нарушит ответственность момента. Надо держаться.

Видимо, разбухшие мысли уже не умещались в голове и ползали по лицу, поскольку Максим заявил:

– Пусть старушки расслабятся и думают, что мы обо всем договорились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.